

Стихотворения, предложенные в ТОП-10 чемпионата членом Жюри конкурса. Лучшие 10 стихотворений будут объявлены Оргкомитетом 30 мая 2012 года.

[1. Наталья НЕЧАЯННАЯ. Москва, Россия](#)

Хоронила

хоронила первого – воздух рычал и выл. столько плакала – леденела в глазах вода. говорила себе: «не ходи к берегам Невы, не бросайся к подъезжающим поездам». почернела вся – превратилась в золу и смоль, в опустевший храм, в переплавленный старый крест. сколько горя взяла, сколько ужаса, милый мой. кто же будет теперь хранить тебя и беречь?

а второго везла – не могла ни рыдать, ни жить: говорила беззвучно, ходила, не чуя ног. (так становишься островом в море среди грозы, и твой остров неспешно, но верно идет на дно. покрывается мраком: съедает любимый дом, угрожает спасительным стенам, родным вещам. превращается в точку, молчащую под водой. онемевшую, словно пустая твоя душа).

вот такое сиротство – наследственное клеймо. родилась всем чужая: подкидыш, дурная

кровь. никогда не услышишь: «родная, пойдем домой», потому что таким не положены дом и кров. им шататься ничьими, не ведать добра и сна. ни кола ни двора: бесприютные, словно тень.

если нужно, господь, чтоб я вечно была одна, то забрал бы меня и не тронул моих детей.

я не в силах сражаться: победу взяла беда. вместо воздуха горе: ни выдохнуть, ни вдохнуть. прижимаю рисунки их («горки» и «поезда», «мама, папа и я отправляются в добрый путь», «космолет покоряет большой внеземной маршрут»), прижимаю и вою, как сбита пулей дичь.

отче наш, ничего не желаю и не прошу.
не даруй мне, пожалуйста, третьего.
пощади.

2. Игорь ЛУКШТ. Москва, Россия

Входи, дитя

Стасе

Июль,
узорны золотые полотенца
в лиловой стыни липовой аллеи,
где влажно дышит скошенное сенце,
и нежный лик сквозь листья розовеет
в библейском ожидании младенца.
Свободные одежды легковесны
и ветрены, как сон полынно-крылый,
качается на волнах летних лестниц
кораблик мой с Божественной посылкой,
плывущий по бульварам старой Пресни.
Крутых бортов обвод виолончельный
скрывает лик небесного посланца,
столь зыбок в животворной колыбели,
в скорлупках тонких, цвета померанца,
его сердечка лепет акварельный.

Дитя, дитя! В пелёнах кайнозоя,
во снах янтарных спишь в дремотных водах:
сквозишь в межтравье древней стрекозою,
шуршишь змеиной шкуркой слюдяною,
зрачок багришь румянцами восходов.
Где за волной волна легко качает
кайму материков новорождённых -
в предчувствии любви ли, печалей -
о, кроха, ангел, нежно сотворённый

прохладными осенними ночами,
к вершине Ното путь свой направляешь,
спешишь, тревожа девственные кущи
и доли ископаемого рая...
Из минувших времён ко дням грядущим
Улыбчивая весточка живая...

Готово всё: огонь, вода и трубы, -
он ждёт тебя, наш век несовершенный -
то нежно-горлый, то кроваво-грубый...
Но птица-жизнь? О, ты её возлюбишь -
шутя ль, скорбя...Любимицей вселенской
под звёздные стропила Ойкумены
войди дитя!

[3. Александр СПАРБЕР. Москва, Россия](#)

Брейгель

И белый снег, и черные деревья...

...А черные фигурки на снегу
спускаются с холма – туда, к селенью,
стоящему внизу, на берегу
пруда.
На льду зеленом - дети
играют в расписную чехарду,
забыв привычно обо всем на свете, -
о том, что матери их с нетерпением ждут
в домах, клубами дымными овитых...

Сегодня праздник. Сдвинуты скамьи,
и ждут столы, уже почти накрыты,
когда отцы вернутся – и свои
сдадут трофеи – скоро, скоро воздух
взорвется пряным ароматом яств –
мясных и рыбных; вкусом травок острых,-
ну, словом, всем, что есть - и что подаст
Тот, кто сегодня сядет рядом с ними
по случаю рожденья своего
за все столы, неслышно и незримо...
Взойдет звезда. Начнется Рождество.

...Детей уложат и закроют ставни,
задут свечи, соберутся спать,
один лишь снег крошечный не устанет

дома и переулки засыпать.
И, погружаясь в сонные тенета,
подумают, что жизнь прошла не зря....

..... Она куда реальнее, чем эта,
где я сижу, рассеянно смотря
на мятую скорлупку штукатурки...
Но взгляд, переведенный за окно,
утонет, как во сне, в "белым-бело"...

...деревья, птицы, черные фигурки.

[4. Александр СПАРБЕР. Москва, Россия](#)

Зеркало

Начинается дождь. Не стреножены кони —
и гоняют по лугу, друг друга дразня,
малой птахой душа улетает с ладони,
и дрожит сквозь ладонь нетерпенье огня

Изнуряющий сон повторяется, длится,
как болезнь, от которой не в силах помочь
ни один порошок — там забытые лица,
и пожар, и тревога, и детство, и ночь

Наклоняясь, прекрасная юная мама
моет голову... льётся, стекает вода...

а она над незримыми грудями хлама
удивленно парит, возвращаясь туда,
где вчера, обомлев, перепуталось с завтра...

...и рассеянно смотрит откуда-то из
неземного сегодня — и видит внезапно
всю свою драгоценную страшную жизнь

Здесь слепая эпоха вспотевшей рубахой
прижимается к телу — и душу дробит
сумасшедшая белая музыка Баха...

...шелестенье травы, трепетанье раки...

Дождь идёт и идёт...Одинокий скиталец,
омывая коней, он идёт без конца

Влажный след – от стакана – стремительно тает...

...и деревья, и ветер....

И голос отца.

[5. Дмитрий КРАСНОВ-НЕМАРСКИЙ. Санкт-Петербург, Россия](#)

Ночь (или что-то вроде этого), спи, Марина...

Ночь (или что-то вроде этого), спи, Марина,
страсть к перемене родин даже меня сморила.

Будто уселись в сани, катим от дома к дому:
то к одному пристанем, то прирастём к другому.

Стылое чувство долга не намотать на палец,
видимо, слишком долго жили, не высыпаясь.

Что же теперь согреет в этой ли, в той отчизне?
Спи, засыпай скорее, сон мудренее жизни.

[6. Елена ГУЛЯЕВА. Лиепая, Латвия](#)

Тафт: третья попытка

глянец кленовый
рвёт в клочья промозглый норд
облачно
словно и не было солнечной тайны
ложечки мёда и лужицы молока
вспомнишь навскидку ли
вкус моего языка
слаще вина и гранатовых яблок, дарлинг?..

ветрено
липовых листьев летучий рой -
вьются, сверкая, как бабочки над купальней

шорох дождя
горечь масла и плач воды
помнишь, как в такт осыпались на нас цветы
с каждым ударом
молота
по наковальне?..

холодно
льются последние пять минут

вспышка тепла твоих губ
в суете вокзальной
выпит до капли взгляд

вот и всё, домой

цепи?.. чугунные, дарлинг,
а гроб - ледяной:

сказочники приврали, что он хрустальный...

[7. Ирина РЕМИЗОВА. Кишинев, Молдова](#)

Горело

Горело ночью, где – не разобрать,
как будто под листвой у печки грелись:
развёрнутую домиком тетрадь
подхватывала пламенная челюсть,
а после из утробы земляной
по узким камышинкам дымоходов
змеёныши-дымки ползли стеной,
в полночные проваливаясь воды,
свивались под молчание собак...

Над городом, как призрачное судно,
неспешно плыл белёсый волкодлак,
обличие меняя поминутно,
асфальтовые лезвия дорог
завёртывал в нетканые тряпицы, -
от бешеной хромой луны берёг
неохранённых тех, кому не спится.

И было от окна не отойти,
не оторвать притянутого взгляда
от темноты, разъятой на ломти
движениями дымчатого гада, -
и виделось: пока не рассвело,
до третьего призыва зоревое
туманилось холодное стекло
от горького дыхания живого.

[8. Егор МИРНЫЙ. Мелеуз, Россия](#)

Фарфор

лампы фонарей в горячей глине,
долгое фарфоровое "до",
где Тарковский вылепил Феллини,
и они достраивают дом,

и у них тепло зажато в лёгких,
и в глазах зажмурен белый свет.
просто всё: от мыла до верёвки,
от любви до дырки в голове.

на Тарковском - светлая рубаха,
на плече Феллини - попугай,
он блестит от солнечного праха,
клювом раздвигает берега

млеющей под коготью речушки.
на безрыбье тонет человек -
ждут его упитанные души
и косматый ангел Гулливер.

где Тарковский балует Феллини
поцелуем в детские уста,
на пересеченье слов и пыли
есть ещё свободные места.

{jacomment off}